

А.М. Галиева, Э.Ф. Нагуманова, И.Ж. Едиханов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫМИ ФАКТОРАМИ**

В статье рассматриваются современные классификации переводческих ошибок, на материале переводов татарских произведений на русский язык анализируются ошибки, детерминированные лингвокультурными факторами.

The paper deals with the classifications of translation faults presented in present-day works on the theory of translation. Faults caused by cultural factors are analyzed on the material of translations of the Tatar prose on Russian language.

Ключевые слова: перевод, ошибки, проза, лингвокультурология

Keywords: translation, translation faults prose, cultural linguistics

В переводоведении существуют различные классификации переводческих ошибок, чаще всего определяют ошибки по типу исходной единицы, например, ошибки, связанные с переводом фразеологических единиц, каламбуров и т.п. Теоретики перевода понимают ошибку как необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности, т.е. содержательного соответствия перевода оригиналу (А.Д. Швейцер), как меру несоответствия перевода оригиналу (Р.К. Миньяр-Белоручев), меру дезинформирующего воздействия на читателя (В.Н. Комиссаров).

Если перевод понимается как передача содержания текста на одном языке средствами другого языка, то основным требованием к переводу оказывается передача содержания оригинала; нарушение этого требования воспринимается как ошибка. В данном случае в качестве ошибки может рассматриваться так называемое «смысловое искажение», прочие же недостатки текста воспринимаются лишь как стилистические погрешности, роль которых в смысловой структуре текста имеет весьма небольшое значение [1: 32].

По словам Н.К. Гарбовского, основной причиной переводческих ошибок является «недостаточная образованность переводчика» [2: 514].

Н.К. Гарбовский выделяет переводческие ошибки, в основе которых лежит: 1) недостаточное владение языком оригинала; 2) недостаточный когнитивный опыт, т.е. недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности; 3) невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в тексте, т. е. непонимание того, что автор говорит о предмете; 4) неумение различать особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения [2: 514].

Многие исследователи связывают вид ошибок с тем уровнем, к которому относится явление, при переводе которого ошибка допущена, поэтому выделяют ошибки логического, лексического, стилистического характера. Так, логический уровень является самым глубинным, соотносящимся со сферой человеческого мышления. Что касается синтаксического и лексического уровней, то они относятся к языковой системе, а стилистический компонент определяет характер выбора единиц различных языковых уровней [2: 516].

В работе Н.К. Гарбовского представлена следующая классификация ошибок:

1. Ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста.

Ошибки на этапе расшифровки смыслов, заключенных в знаках исходного сообщения, могут затрагивать все аспекты текста как знаковой сущности: прагматический, семантический и синтаксический.

2. Ошибки понимания на уровне «знак – понятие».

Переводческие ошибки на семантическом уровне основываются на ошибочном представлении переводчика о соответствии знаков исходного языка понятиям, т. е. знакам приписываются совсем не те понятия, которые они заключают в себе на самом деле.

3. Ошибки понимания на уровне «знак – сложное понятие».

4. Ошибки понимания на уровне «знак – суждение».

Эти ошибки часто происходят от недостаточно внимательного отношения к синтаксической организации высказывания. Такие ошибки наиболее очевидны в философских рассуждениях автора оригинального текста.

5. Ошибки понимания предметной ситуации.
6. Переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов.
7. Стилистические ошибки [2: 216].

Многие исследователи ориентированы на работы Л.К. Латышева, в которых мы находим следующую классификацию ошибок:

1. Ошибки в трансляции исходного содержания – функционально не мотивированные отклонения от содержания оригинала, различающиеся по степени дезинформирующего воздействия.

2. Искажения – субъективно обусловленное отклонение содержания перевода от оригинала.

3. Неточности – отклонения от содержания оригинала, характеризующиеся меньшей степенью дезинформирующего воздействия; немотивированное опущение или добавление информации, не искажающее полностью содержание оригинала, но требующее уточнения.

4. Неясности – функционально-содержательный изъян перевода, затемняющий смысл высказывания, достаточно четко выраженный в исходном тексте, часто возникают из-за «неудобоваримости» синтаксических конструкций. Может быть связан с неудачным выбором слова или структуры фразы, либо обусловлен неадекватным использованием или неиспользованием переводческого приема.

Ошибки в адаптации содержания и форм его выражения к новым лингвоэтническим условиям восприятия, их причина – неумение компенсировать расхождения ЛКК носителей исходного языка и языка перевода, т.н. языковые ошибки, ошибки в оформлении текста на языке перевода [4: 134-136].

Существующие классификации не перекрывают всех типов переводческих ошибок, встречающихся в переводах текстов разных стилей и жанров. В данной статье мы выделим наиболее характерные ошибки, встречающиеся в переводах татарской прозы на русский язык; как показывает языковой материал, большая часть таких ошибок обусловлена

лингвокультурными факторами.

Чаще всего ошибки возникают при переводе национально-специфических элементов, а также понятий религиозного содержания.

Алар тиз генә коръән сүрәсе укып, йорт хужасы белән кунаклардан садака алалар да, ит, аш, бәләш ашарга керешәләр (М. Галяу). – Они быстро прочитывали **строфу** корана, получали мзду от хозяина дома и его гостей и принимались за мясо, суп и пироги (перевод Г. Шариповой).

Как известно, *сура* – арабское слово, обозначающее главу из Корана, а *строфа* – литературоведческий термин, обозначающий группу стихов, объединенных определенными формальными признаками (метрическим, ритмическим, интонационно-синтаксическим строением и объединяемых рифмовкой), повторяющимися из строфы в строфу. Коран написан ритмизованной прозой и строф не содержит, таким образом, данный вариант перевода не только неверен, но и способен ввести в заблуждение читателя об особенностях коранического текста.

Для объективности приведем пример правильного перевода в том же тексте:

Кулларын тез өстенә салып күзен йомды, тамак кыргалап алды да, гарәпчә коръән сүрәсен укый башлады (М. Галяу). – Он сложил руки на коленях, закрыл глаза, кашлянул и прочел по-арабски **главу** из корана (перевод Г. Шариповой).

Доказательством того, что Г. Шарипова сознательно не переводит элементы оригинала, связанные с религиозным аспектом содержания, является перевод романа Г. Ибрагимова «Тирән тамырлар» («Глубокие корни»), созданный в 30-ые годы XX века:

– *Шулай карчык! Ахыры хәерле булсын. Мин, аллага тапшырып, вәгъдә бирдем инде, - диде.* <...> – *Я, жена, дал обещание, – благословясь, начал он.*

Для сравнения приведем перевод Фаизовой:

– *Вот так, жена! Да будет все к добру. Я, положась на волю аллаха, согласился...*

Для многих переводов советской эпохи характерна излишняя увлеченность христианско-православной терминологией (без особой на то необходимости):

– *Чәнчелеп китсәңче, нәгъләт! – дип мыгырданды Әсма остабикә, сәкедән кузгала башлап* (М. Галяу).

– *Провалиться тебе, дьявол! Пробурчала Асьма, поднимаясь со скамейки* (перевод Г. Шариповой).

Слово *нәгъләт* имеет значение 'проклятие, проклятый', в переводе говорится о дьяволе.

При переводе лексики с культурным компонентом значения иногда наблюдается смешение омонимов:

*Ул кеше әйтте: «Изге бәхетлелекнең галәмәте шулдыр ки, дөнъяда парһизкяр булыр, **ахирәтне онытмас**, гыйбадәтчән булыр <...> аз сүзле булыр <...> хәрәмнан сакланьыр, **изгеләргә мэхәббәт итәр**, мөтәвазигь булыр, жүмарт булыр, шәфкатьле булыр* (К. Насыри).

*Он ответил: «Доброе счастье бывает воздержанным, всегда **помнит друзей**, оно благочестиво, малословно <...> безгрешно, **поклоняется святым**, учтиво, щедро, милосердно* (перевод А. Бадюгиной).

Словосочетание *ахирәтне онытмас* переведено как *помнит друзей*. В современном татарском языке лексемы *ахирәт1* и *ахирәт2* являются лексическими омонимами, так как не обладают предметно-семантической соотнесенностью, то есть не имеют общих семантических признаков.

Согласно данным Арабско-татарско-русского словаря заимствований эти слова имеют значения: 1) «загробная жизнь»; 2) «верный, закадычный друг». В оригинале же использовано слово *ахирәт1*, что подтверждается контекстом: после данного словосочетания следуют сочетания, имеющие явно религиозную семантику: *гыйбадәтчән булыр* (будет усерден в молитвах), *хәрәмнан сакланьыр* (воздержится от запретного для мусульман) и т. д., т. е. они составляют тематический ряд, связанный с религиозными понятиями ислама. Далее в наставлении идет описание «злого счастья», компоненты которого

антонимичны первой части. Используется выражение *үлемне онытыр* (забудет о смерти). Таким образом, как из общего смысла фрагмента, так и контекстуального окружения следует, что в данном случае не могла быть использована лексема *ахирәт*².

Следует также отметить, что *изгеләргә махәббәт итәр* переведено как *поклоняется святым*. С нашей точки зрения, русское *поклоняться* не соответствует татарскому *махәббәт итәр*, т.к. поклонение святым наблюдается в христианстве, особенно у католиков. В исламе же считается, что поклонение никому другому, кроме Аллаха, неприемлемо. Если же такое имеет место, то это считается большим грехом и, следовательно, нарушением этических норм. *Махәббәт итү* в данном случае должно быть переведено как *любить*. Мы считаем, что наиболее правильным, передающим смысл наставления без каких-либо искажений, был бы вариант перевода *почитают святых*.

Фразеологические обороты, метафоры и другие тропы, нередко выполняющие определенную прагматическую функцию, также представляют значительные трудности для перевода. Ошибки возникают из-за незнания точного значения устойчивых выражений в исходном языке или в языке перевода.

Әкәрәм кариның холкын-гадәтен белгән кешеләр гажәпләнен баш чайкадылар:

– *Ярабби, хәерлегә булсын, хәерлегә булсын... – диештеләр* (М. Галаяу).

Те, кто знал характер Акрама-кары, с удивлением качали головой, приговаривая:

– *Ну, дай бог, дай бог...* (перевод Г. Шариповой).

Выражение *хәерлегә булсын*, кроме явно выраженного благопожелания (пусть это случится к добру), несет в себе компонент значения, связанного с тревожным ожиданием (не к добру может быть все это). Фразеологизм *дай бог* имеет значение искреннего пожелания каких-либо благ.

В переводе романа «Тирән тамырлар» («Глубокие корни») находим следующие примеры: *Алма пеш, авызга төш дин, кул кушырап утырмабыз*. –

Мы не будем ждать, когда жареный гусь сам на стол прилетит (перевод Г. Шариповой). – *Ты же не мулла, это муллы могут сидеть, надеясь на милость прихожан* (перевод Фаизовой). Г. Шарипова заменяет татарское устойчивое сочетание русским фразеологизмом. Фаизова не стремится к адекватной замене сочетания, она предпочитает трансформировать исходную форму.

В переводах возникают ошибки и на уровне понимания предметной ситуации. Согласно Гарбовскому, верная и полная расшифровка референтной ситуации, описанной в тексте оригинала, предполагает наличие у переводчика необходимого когнитивного опыта именно в той сфере жизни, срез которой предлагает автор оригинала в описываемой ситуации.

Өске катка менә торган агач баскычка читек үкчәсе белән төнге каравылчы шакылдавыгы тавышы сыман шак-шок басканы ишетелде (М. Галяу). – **Кожаные каблуки** ее башмаков, точно колотушка ночного сторожа, **захлопали** по деревянным ступеням лестницы, ведущей наверх (перевод Г. Шариповой).

Очевидно, что кожаные каблуки, если таковые и существуют, должны быть мягкими, они не могут стучать, как *колотушка ночного сторожа*. В контексте произведения речь идет об ичигах на твердом каблучке (ичиги – разновидность кожаной обуви, имеющей форму сапог, с мягким носком и внутренним жёстким задником), переводчик *ичиги* заменяет на *башмаки*.

Бирегә бала тапмый торган хатыннары, төзәлмәс гарип кешеләрне, авыру атларны алып килеп, аларны өшкертү бик күптәннән бер гадәткә әйләнгән иде (М. Галяу). – *Давно вошел в обычай приводить сюда женщин, тщетно жаждавших материнства, неизлечимых калек и больных лошадей и совершать над ними всяческие заклинания* (перевод Г. Шариповой).

Перевод отсылает к фольклорно-магическим, то есть языческим обрядам, хотя в оригинале говорится об обряде *өшкертү*, который часто совершается священнослужителями и может происходить даже в мечети. Исполнитель обряда произносит «Бисмиллаһ» и совершает омовение, читает намаз (ике

рәкагәть нәфел намазы) и причитающиеся суры из Корана.

Следует сказать, что данный обряд не имеет аналогов в русской культуре, и перевести название обряда можно только описательно. В Татарско-русском словаре под редакцией Ф.А. Ганиева представлен следующий способ перевода:

өшкертү гл. рел. заговаривать, заговорить.

Обратим внимание на то, что, хотя способ перевода вызывает ассоциации с народной магией, в словаре данное слово идет с пометкой *религиозное*.

Описательный перевод использован в переводе повести М. Гафури «Черноликие»:

Бераз торгачтан гына, Хәмидә әби үзенең күңеленә мөһим бер уй төшкән кебек:

– *Гыйльми әби, син Галимәне бераз өшкереп китәр идең, – дим сүз башлады. <...>*

Гыйльми әби шул сүзне генә көткән кебек ачылып китте:

– *Шулай кирәк шул, әллә кайчан өшкертәргә кирәк иде, берәр нәрсәдәң зәхмәт кагылгандыр, курыккандыр, – дим, авыру янына барып, догалар укырга, авызын чыпылдатып, Галимә апаның өстенә өрергә керешкән генә иде, Галимә апа аңа карап:*

– *Кит моннан, кит, дим!.. <...> ике кулы белән яныннан куарга кереште...*

Бабушка Гильми, почитала бы ты ей молитвы с дутьем, – проговорила тетя Хамидә после долгого молчания, будто ее осенила счастливая мысль.

Она подошла к Галимә и только было начала шептать молитвы и дуть на нее, шевеля губами, как та закричала, отгоняя ее от себя обеими руками... (перевод А. Борщаговского).

Избежать ошибок при переводе практически невозможно, они могут появляться на разных уровнях текста. Существующие в переводоведении классификации переводческих ошибок чаще всего ориентированы на оценку перевода, реже предполагают анализ не столько результата перевода, сколько процесса перевода и отражают возможные причины появления ошибок.

Рассмотренные примеры из переводов произведений М. Галяу,

Г. Ибрагимова, М. Гафури и К. Насыри позволяют сделать вывод о том, что определенные отклонения от оригинала могут возникнуть за счет невнимательного отношения переводчика к тексту оригинала или незнания тех или иных культурных, религиозных особенностей татарского народа, о которых речь идет в оригинале. В переводах чаще всего встречаются ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста, семантические ошибки, связанные с лингвокультурными факторами.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-14-16017 а/В.

Литература

Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. – М.: Всероссийский центр переводов, 2009. – 88 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ТЦ Сфера, 2006. – 313 с.

Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания перевода. – М.: Просвещение, 1998. – 160 с.

Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? – М: Велби, 2007. – 480 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода – статус, проблемы, аспекты. – М.: Гардарика, 2008. – 368 с.